

КЛАССИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

**Материалы Всероссийской
с международным участием
научно-практической конференции,
посвященной 85-летию УдГУ
Ижевск, 3-4 февраля 2016 г.**

ДК 378(470.51)(061.3)
БК 74.484.7я431
К 476

СОДЕРЖАНИЕ

ОРГКОМИТЕТ КОНФЕРЕНЦИИ:

В. Мерзлякова – ректор УдГУ (председатель); **С. Д. Бунтов** – первый проректор; **И. В. Меньшиков** – проректор по научной работе и инновациям; **Л. М. Кибардин** – проректор по учебной работе; **С. И. Вострокнутов** – директор Департамента по молодёжной и социальной политике; **Н. Ю. Старков** – директор Института истории и социологии; **В. В. Пузанов** – зав. кафедрой истории России; **Д. В. Репников** – доцент кафедры философии и гуманитарных дисциплин; **Т. М. Богомоллова** – начальник отдела по связям с общественностью и СМИ; **А. В. Данилов** – директор Учебно-научной библиотеки им. В. А. Журавлёва; **А. В. Башев** – директор Научно-образовательного экспозиционного центра.

Редакционный совет:

Г. В. Мерзлякова – председатель,
С. Д. Бунтов, И. В. Меньшиков, В. В. Пузанов.

Редколлегия:

И. В. Меньшиков, В. В. Пузанов, Д. В. Репников, А. В. Башев.

Отв. ред. и сост.: В. В. Пузанов, Д. В. Репников.

476

Классический университет: история и современность: материалы Всероссийской с международным участием научно-практической конференции, посвящённой 85-летию Удмуртского государственного университета; Ижевск, 3-4 февраля 2016 г. / отв. ред. и сост. В. В. Пузанов, Д. В. Репников. – Ижевск: Издательский центр «Удмуртский университет», 2016. – 430 с.

ISBN 978-5-4312-0405-0

В сборнике представлены материалы вузовской научно-практической конференции «Классический университет: история и современность», посвящённой 85-летию Удмуртского государственного университета.

Издание подготовлено кафедрой истории России и кафедрой философии и гуманитарных дисциплин Института истории и социологии УдГУ.

Предназначено для научных работников, преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов, всех интересующихся историей Удмуртского государственного университета, проблемами развития высшего образования и науки.

ISBN 978-5-4312-0405-0

УДК 378(470.51)(061.3)
ББК 74.484.7я431

© ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет», 2016

ПРЕДИСЛОВИЕ	9
I. УДМУРТСКОМУ ГОСУДАРСТВЕННОМУ УНИВЕРСИТЕТУ – 85 ЛЕТ	
<i>Г. В. Мерзлякова (Россия, г. Ижевск)</i> Удмуртский государственный университет: вехи истории и вызовы времени	14
II. СВЕТОЙ ПАМЯТИ ПЕРВЫХ РЕКТОРОВ УдГУ БОРИСА НИКОЛАЕВИЧА ШУЛЬГИ (1926–2002) И ВИТАЛИЯ АНАТОЛЬЕВИЧА ЖУРАВЛЁВА (1941–2007)	
<i>В. А. Байметов (Россия, г. Ижевск)</i> Лицом к лицу... Уроки Бориса Николаевича Шульги	26
<i>Е. А. Подшивалова (Россия, г. Ижевск)</i> О личности Виталия Анатольевича Журавлёва	30
III. КЛАССИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ КАК СОЦИАЛЬНО- КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН. ГЕНЕЗИС И РАЗВИТИЕ КЛАССИЧЕСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ В РОССИИ.	
<i>С. М. Решетников (Россия, г. Ижевск)</i> «Классический университет» – эволюция понятия	35
<i>В. В. Пушкарева (Россия, г. Ижевск)</i> О понятии «классический университет»	41
<i>Е. Ю. Жарова (Россия, г. Брянск)</i> Путь к классическому университету в Российской империи (с точки зрения развития естественнонаучного образования)	47
<i>В. М. Бухараев, Г. П. Мягков (Россия, г. Казань)</i> Трансформация классического университета в условиях «текущей современности»	56
<i>В. П. Овечкин (Россия, г. Ижевск)</i> Классический университет в изменяющейся реальности	62

В. М. Бухараев, Г. П. Мяжков

Россия, г. Казань

Казанский (Приволжский) федеральный ун-т

ТРАНСФОРМАЦИЯ КЛАССИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В УСЛОВИЯХ «ТЕКУЧЕЙ СОВРЕМЕННОСТИ»

Из всего многообразия определений, которыми оперирует научно-теоретическая мысль для характеристики современных социумов («постлиберализм», «постмодерн», «вторая современность», «надсовременность» и др.), авторы взяли на вооружение троп британского социолога польского происхождения З. Баумана «текущая современность». Представляется, что данная метафора, с помощью которой можно описывать наступающую эпоху, задает формат для осмысления состояний «перемещения», «плавления» и «перетекания», какие испытывает университет модерна в ситуации перехода от сложного структурированного мира, который обременен густой сетью социальных обязательств и условий, к миру гибкому, текучему, более свободному от различных границ и условий¹. Для уяснения сценариев развития университета модерна на рубеже тысячелетий целесообразно вписать его – в общем виде – в эволюцию университета как социокультурного феномена.

Относящиеся к XII–XIII вв. возникновение первых европейских университетов (Болонского, Парижского, Оксфордского, Кембриджского), означало появление организационно-культурной формы, которая уже в раннее Новое время становится основным звеном государственной образовательной системы. Значение деятельности университетов выходит за пределы образовательной сферы, поскольку они взяли на себя решение таких цивилизационных задач, как формирование культур, разработка идеологий, подготовка интеллектуальной элиты. Литогенез «больших» культур, который сопровождался маргинализацией локальных культурных образований, были в состоянии обеспечить лишь формирующиеся национальные государства. Поэтому университеты день ото дня встраивались во властно-управленческую машинерию, чему способствовал произошедший в нач. XIX в. переворот с латыни как языка преподавания на национальные языки.

Появление постхристианского университета означало переход от взгляда на просвещение как способ совершенствования общества и государства через улучшение нравов к его восприятию в виде средства

подготовки специалистов. Свое воплощение идея университета модерна находит в модели Гумбольдта, которая базируется на представлении о взаимосвязи исследовательских, образовательных и культуртрегерских задач¹. На этих же основаниях в XIX в. создавались классические учебные заведения в России.

О значительной роли классического университета в эволюции культурного универсума нововременного общества выразительно свидетельствует то обстоятельство, что вплоть до Второй мировой войны альма-матер являлась тем местом, где конструировались картины мира и языки его описания – от социальных утопий до сциентистских онтологий. Более того. Вследствие *natura rerum* научной деятельности как инструмента освоения мира на основе универсального критического метода университетская корпорация генерирует идею свободы творчества, реализуемую в условиях самоуправления и диалога с властью, тем самым превращаясь в палладиум гражданского общества. Изначальная двойственность целеполагания университета – служение государству и оппозиция бюрократии, «частной собственности» которой государство является, – выступает в качестве источника перманентного кризисного состояния университета как социально-культурной институции, о чем говорит вся университетская история.

Новая волна кризиса настигла университетскую систему во второй половине XX в., когда выработанные университетом модерна адаптационные механизмы перестали отвечать темпоритмике общественного развития. Известный канадский исследователь Б. Ридингс обозначил главную причину угасания «великого нарратива Университета». Классический университет, который был основным институтом укрепления и распространения национальной культуры, теперь практически не участвует в этом доставшемся в наследство от Просвещения проекте. Нарастающая транснациональная глобализация (американизация, понимаемая в широком смысле как повсеместное навязывание денежных отношений вместо идеи национальной идентичности в качестве детерминанты всех аспектов инвестирования в общественную жизнь) ведет к относительному упадку национального государства в виде первичной инстанции производства капитала. Поэтому культура – символический и политический эквивалент реализуемого национальным государством проекта интеграции – утрачивает ценность и общественный статус. Такой сдвиг оказывает прямое влияние

¹ См.: Андреев Ф. Ю. Гумбольдтовская модель классического немецкого университета // Новая и новейшая история. 2003. № 3. С. 46–58; Ростиславлева Н. В. Вильгельм и Александр Гумбольдт: научное познание и идея классического университета // Идеи и люди: интеллектуальная культура Европы в новое время / под ред. Л. П. Репиной. М., 2014. С. 371–372.

См.: Бауман З. Текучая современность / пер. с англ.; под ред. Ю. В. Асочакова. СПб., 2008.

на классический университет, потому что его *raison d'être* состоит именно в национально-культурной миссии¹.

Пока эта миссия оставалась, в основном, за университетом, он являлся чем-то вроде фабрики по производству языков описания и объяснения мира. Эта способность позволяла ему сохранять суверенитет и «герметичность», которые связаны с его собственной позицией как точки трансценденции, внеположности описываемому миру. В послевоенные десятилетия университет перестает быть местом привилегированного производства картин мира и центром разработки языков описания. Начинается коррозия университетской культуры и вместе с ней – способов самоописания университета. Мир обнаружил, что изменился, ему требовались новые ответы на старые вопросы. Классический университет вряд ли мог в этом помочь. Так появились новые терминальные метафоры, перекроившие университетскую среду².

В связи с тем, что возобладало прикладное понимание задач образования, университет обретает черты учреждения, сходного с промышленной корпорацией, научно-производственным холдингом, концерном и т. п. О смещении гумбольдтовского дискурса с основной позиции дискурсом рыночной координации сигнализирует доминирование в университетской среде идей постфордизма («экономики знаний»)³. Ключевыми понятиями новоявленной дискурсивной формации становятся «компетенции», «конкуренция», «рейтинги», «образовательные услуги» и т. д., а функция профессиональной подготовки и переподготовки все в большей мере переходит к краткосрочным учебным программам и курсам, которые формируются производственными корпорациями без обращения к классическим университетам.

Размывание границ между рынком образования и рынком труда ставит университеты на грань нестабильности в глобальном масштабе. Однако на мировой улице не бывает одностороннего движения. «Университизация» корпораций противостоит втягиванию университетов развитых стран в процессы транснационализации, что релевантно их «идоизмененной природе: «Поскольку университеты – это корпорации, их законной целью выступает завоевание глобального рынка»⁴. Силивается общемировое движение в направлении «открытого образования» при широком развитии и доступности онлайн-универ-

См.: Ридингс Б. Университет в руинах. М., 2010.

Вахштайн В. Метафорика университета. URL: <http://postnauka.ru/longreads/13096>

См.: Бухараев В. М., Мяжков Г. П. «Гумбольдтовские принципы» в современном научно-образовательном пространстве // Университетское образование в полиэтничных регионах Поволжья (к 50-летию Чувашского гос. ун-та им. И. Н. Ульянова). Чебоксары, 2015. С. 12–13.

Роджеро Д. Из руин в кризис: об основных трендах в жизни глобального университета. URL: <http://www.nlobooks.ru/node/1940>

ситетских курсов (MOOCs), предлагаемых новыми глобальными университетскими консорциумами. Академические исследования и система высшего образования быстро интернационализируются, что оказывает существенное влияние на традиционные национальные системы¹.

Кроме того, в числе факторов, оказывающих заметное воздействие на системы образования, выделяется ползучее наступление бизнес-корпораций (наиболее тоталитарных учреждений современной западной цивилизации) в блоке с «номенклатурой» (которая все более замыкается в себе, распоряжаясь значительной долей национального богатства)² на демократические основы университетской культуры. Вслух говоря, эти тенденции развития «цитаделей капитала» не находят должного отражения в экономических штудиях. Между тем одно из последствий происходящего структурного сдвига в западном сообществе налицо (Россия здесь не исключение): университеты все в большей степени принуждаются играть по правилам номенклатурно-корпоративного комплота.

Вхождение отечественных вузов в мировую конкурентную среду в качестве неизбежного следствия демонтажа «плановой экономики» и перехода к рыночным реформам конца XX – начала XXI вв. потребовало решения целого комплекса задач, среди которых – вопросы качества и соответствия образования современным требованиям, отсутствие гибкости в методах управления. Ситуация усугублялась тем, что образовательная сфера во многом вышла из-под контроля по причине свойственного революционным периодам расстройству прежних механизмов регуляции общественной жизни и эскалации социальных ожиданий населения и групп влияния.

Давление растущего рынка образовательных услуг, настойчивый запрос региональных и отраслевых лоббистов, не готовых конкурировать за выпускников на рынках труда, обернулись «стихийной трансформацией» российского образования на основе «общественного консенсуса по поводу низкого качества такого образования»³. В результате произошел трехкратный рост количества студентов (с 2,6 млн. чел. в 1993/1994 уч. г. до 7,4 млн. в 2010/2011 уч. г.), более чем вдвое (с 500 до 1100) увеличилось число вузов, количество филиалов приближалось к 1700, присвоение ученых степеней в 5,6 раз превосходило

¹ Доклад ЮНЕСКО по науке: на пути к 2030 г. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0023/002354/235407r.pdf>

² Дорфман М. Америкой управляет номенклатура. URL: <http://aftershock.su/?q=node/27155>

³ Волков А. Е., Ливанов Д. В. Университет будущего: ставка на новое содержание // Ведомости. 2012. 3 сент.

однесоветские показатели и т.д. Все это – результаты социальной «Bildung-сделки» 1990-х гг.: режим укрепился, качество образования низилось.

Достигнутая в начале нового века социально-политическая стабилизация посткоммунистического общества на основе усиления консервативных тенденций открыла дорогу поиску современной модели развития образования. Разработка данных вопросов активизировалась с середины 2000-х гг., когда «произошел разворот внимания элиты к проблемам человеческого капитала»¹, соответственно – к образованию как одной из основных сфер его воспроизводства. Поскольку большая часть мер, запланированных на первом этапе реформирования образовательной сферы, не была осуществлена из-за «противодействия различных общественных групп процессу модернизации образования»², руководящие круги сделали ставку на модернизационный прорыв (методы «диктатуры для развития», в марксистской теории – «революции сверху») с целью достижения ведущей роли в глобальном образовательном пространстве в перспективе следующих 10-30 лет.

В русле этого курса выделяются несколько основных направлений. Во-первых, значительная материальная поддержка ведущих вузов, совокупность которых составляют 10 федеральных, 29 национальных исследовательских университетов и порядка 15 вузов, нацеленных на заметное повышение своей международной конкурентоспособности. Сверх того, сделана ставка на ведущие университеты как основные центры науки и подготовки кадров нового типа, превращение их в локомотивы научно-промышленного комплекса, включая уровень территорий. Далее, использование в деятельности университетов методов руководства из арсеналов властных органов и бизнес-корпораций путем сопряжения преобладающих вертикальных связей регистрами линейно-функциональной и проектной управленческих структур («новый менеджерализм» / «новый менеджериизм»).

Для реализации этого курса в условиях исторического «цейтнота» геополитических осложнений системообразующие вузы – центры интеграции науки и образования действуют фактически в мобилизационном режиме: все имеющиеся в их распоряжении ресурсы в режиме жестко централизованного управления нацеливаются на решение критического количества приоритетных задач. Но не спехом дело спорится, а толком. Если, в самом деле, следовать концепту «текущей современности», то следует признать проект Просвещения / Модерна не свершенным и проблемно открытым. Это значит, что в будущем во-

все не исключена определенная реактуализация миссии университета как гуманистически ориентированной и социально ответственной структуры, способной на новых этапах «модерности» эффективно удовлетворять перспективные потребности личности, общества и производства на основе скорректированных гумбольдтовских принципов¹.

Как свидетельствуют университетские практики, реализация задачи генерации и трансляции культуры, понимаемой в качестве исторически накапливаемого социального опыта, является органикой «керосинки» вне зависимости от доминирования национального или глобального проекта «второй природы». Точно так же, как имманентным свойством научного познания выступает критическое мышление, какое прикладная ориентация науки и образования не в силах отменить.

¹ Это положение в той или иной мере присутствует в выполненных в последние годы исследованиях по истории региональных университетов. Так, опыт изучения современной истории Омского государственного университета, когда он, как и все российские вузы, оказался «в вихрях постперестроечного реформирования “всего и вся”», привел авторов к заключению, что «стратегическая цель» университета далеко не ограничивается сформулированным в официальном документе под названием «Миссия Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского» положением – «стать центром инновационного образования, коммуникации и информатизации, продуцирования знания и развития научного потенциала региона». Напротив, лейтмотивом миссии классического университета «должно стать формирование региональной и университетской идентичности, сохранение и трансляция коллективной памяти, накопление корпоративных традиций. И главное – миссия университета должна ориентировать на формирование системы ценностей будущей элиты» (Университет в истории и история университета: к 40-летию Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского: очерки / отв. ред. В. П. Корзун. Омск, 2014. С. 361). См. также: Щелкунов М. Д., Бухаров В. М., Люкшин Д. И. КФУ: от идеи до практики: Казанский федеральный университет как центр модернизации образования в Татарстане. Казань, 2014.